

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК: 821.161.1:111.82

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И РУССКИЙ КОСМИЗМ

Курьянов Сергей Олегович,

*д. филол. н., заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: so_k@inbox.ru*

В статье посредством литературоведческого анализа доказывается принадлежность идей космизма русскому (восточнославянскому) национальному сознанию. Автор статьи приходит к этому выводу, опираясь на идейную составляющую великого восточнославянского литературного памятника «Слово о полку Игореве», поскольку, как доказывает автор, главной идеей «Слова...» является идея единства человека и мира (природы, космоса, Бога).

Ключевые слова: *космос, космизм, «Слово о полку Игореве», идея, природа, древнерусская литература.*

Космизм – своеобразное направление в русской философской мысли конца XIX–XX веков. Оно включает в себя философско-теологические (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев), естественнонаучные (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский) и художественные (Н. К. Рерих) представления и размышления о проблеме Космоса, о месте человека в нем, соотношении человека и космоса.

Из идей русского космизма выросло ноосферное учение, созданное французскими учеными Эдуардом Леруа и Пьером Тейяром де Шарденом на основе идей В. И. Вернадского, высказанных им на лекциях по геохимии, которые в 1922–1923 годах он читал в Сорбонне. Учение о ноосфере, по словам российского историка и социолога Н. - А. Митрохина, стало сегодня «самой влиятельной из гражданских религий современной России» [4].

Цель нашей статьи – посредством литературоведческого анализа доказать природную принадлежность идей космизма русскому (восточнославянскому) национальному сознанию, нашедшим свое выражение еще в «Слове о полку Игореве».

© С. О. Курьянов, 2015

I.

Основная идея «Слова о полку Игореве», как мы ее по устоявшейся в советское время традиции понимали до сих пор, а именно как «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» (К. Маркс) – идея политическая, идеологическая, представлявшая взгляды отдельной группы («партии») мыслящих людей средневековой Руси – **не является главной**. Она зримо прочитывается, но может быть воспринята как главная только с точки зрения тех конкретно-исторических условий, в которых оказалась Русь в конце XII века. Причем, автор *хотел*, чтобы ее читали (воспринимали) как главную. Ее явность, нарочитость подчеркнута ее обособленностью в тексте произведения. Она, на наш взгляд, именно потому и выделена автором, что связана со всем остальным текстом произведения лишь ассоциативно и автор *хотел* подчеркнуть эту ассоциативность.

Утверждаем, что *основная идея «Слова»* – иная, *неполитическая* и, как сказали бы сейчас, *нравственно-экологическая, подчеркивающая тесную связь всего сущего на земле, связь человека и Бога, человека и Космоса, человека и природы*.

О том, что природа играет очень большую роль в произведении, говорилось неоднократно, но вот о том, что эта роль центральная и равновеликая роли князя Игоря, что *конфликт Игоря и природы является в «Слове» сюжетообразующим* и, более того, *подчеркивает авторскую идею*, насколько нам известно, не говорил никто.

Мы называем эту идею авторской с известной долей условности и далеки от мысли о том, что автор сам ее полностью осознал. Скорее, выявил и обозначил интуитивно, поддаваясь художническому чутью. Но именно благодаря ей и создал бессмертное произведение.

II.

Любое сюжетное произведение, понятно, строится на конфликте. На первый взгляд, в «Слове» это, с одной стороны, конфликт интересов (Игорь – Святослав), он не явный, и в киевской сцене со Святославом звучат скорее его отголоски; а с другой – хорошо идеологически подготовленный военный конфликт с половцами, патриотический по своей внешней направленности, – защитить родную землю от набегов кочевников и «добыть города Тмутороканя»,* то есть попробовать вернуть Руси (и Черниговской земле в частности) когда-то ей принадлежавшие земли Тмутараканского княжества.

Автор отчетливо ведет эту линию, не упуская возможности добавить к ней очередной штрих, новую деталь, но (сознательно или подсознательно?) пишет о другом.

По нашему убеждению, при глубоком и непредвзятом рассмотрении *сюжет «Слова» строится на конфликте человека и природы*.**

Его *завязка* происходит в момент пренебрежения Игорем главным природным предостережением – солнечным затмением.

Развитие действия только подчеркивает нарастание этого конфликта – Автор выстраивает цепь природных предупреждений: «...нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свисть зверинь въста, збися Дивь, кличь врху древа, велить послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмуроканьскый бльвань. <...> Уже бо беды его пасеть птиц по дубию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клетомъ на кости звери зовуть, лисици брешуть на чръленья щиты. <...> Заря светъ запала, мъгла поля покрыла, щекоть славий успе, говоръ галичь *убудися*. <...> Другаго дни велми рано кровавья зори светъ поведаяють, чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии» («...нощь стонами грозы птиц пробудила; свист звериный встал, встрепенулся див – кличет на вершине дерева, велит прислушаться – земле незнаемой, Волге, и Поморью, и Посулюю, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмуроканский идол! <...> Уже несчастий его подстерегают птицы по дубам; волки грозу поднимают по оврагам; орлы клетом на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые щиты. <...> Заря свет уронила, мгла поля покрыла. Щекот соловьиный уснул, говор галок пробудился. <...> На другой день спозаранок кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии»). Действие вопреки природным предупреждениям приводит к гибели войска и к пленению Игоря. Причем если Игорь не хочет замечать очевидного и сторонится природы, то природа напротив ищет связи с князем, стараясь предупредить его и спасти, а когда этого ей не удается, оплакивает гибель войска и Игорев плен как большое горе: «Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось». А Игорь не чувствует и не понимает этого. И поэтому самому ему никак не выпутаться из сложившегося положения.

Помочь герою вернуть нарушенную гармонию в момент, когда он просто не видит и не понимает необходимости этого, может только тот, кто *не просто ближе всего к нему находится*, а тот, кто *является частью его самого*, составляет с ним единое целое. Таким человеком для мужчины всегда была женщина, – жена, *супруга* (этимологически – та, кто находится с ним *в одной упряжке*, то есть везет один воз житейских радостей и скорбей). Именно княгиня Ярославна обращается к тем силам природы, которые, по ее убеждению, способны помочь ее милому («ладе») князю Игорю Святославовичу – к ветру, Днепру-Славутичу, солнцу. Это *кульминационный* момент повествования. Кстати, не случайно пронзительные заклинания Ярославны так охотно переводили поэты. Они-то интуитивно чувствовали ключевое значение ее плача для основной мысли произведения...

И картина полностью меняется. *Развязка* конфликта наступает молниеносно: «Прысну море полунощи; идуць сморци мъглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу». («Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой в землю Рускую, к отчему золотому столу»). Игорь обретает необыкновенную зоркость и сметливость: «Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мрить отъ Великаго Дону до Малаго Донца». («Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца»). Он бежит из плена, причем природа уже полностью на его стороне: «Кликну, стукну земля, вышуме трава, вежи ся половецкии подвизаша. А Игорь князь посकोи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, въврѣжеса на брѣзь комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине». «Кликнула, стукнула земля, зашумела трава... А Игорь-князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину». Природа, как видно, не просто помогает ему, она кормит князя, поддерживая его силы и тем самым давая ему возможность добраться до родной земли. Она не просто на его стороне, князь Игорь обретает удивительную способность общаться с природой, способность, которой доселе вообще не имел. На это указывает его разговор, причем построенный в форме диалога, с Донцом – рекой, которую он благодарит за помощь в побеге. И мир вновь обретает гармонию – «Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли. <...> Страны ради, гради весели». («Солнце светится на небе, – а Игорь-князь в Руской земле. <...> Сѣла рады, грады веселы»). Веселы и рады, как понятно, не потому, что Игорь бежал из плена (и уж тем более не потому, что положил на поле брани несметное число своих воинов), а потому что *вновь обрел гармоничные отношения с природой*.

III.

Природа и природные явления в «Слове» легли в основу длинного ряда работ и статей.*** Сказать, что идея конфликта Игоря с природой не рассматривалась учеными ранее, было бы неправдой. Д. С. Лихачев отмечал, что «противопоставление решимости Игоря затмению *дает действию завязку*: воля Игоря как бы противопоставляется судьбе, воплощенной в природе; личное вступает в конфликт с природой, с окружающим» [3] (курсив наш. – С. К.), но не продолжал этой мысли, а переходил на следующую: «*Затмение солнца* своим зловещим колоритом *подчеркивает мужественность решения Игоря* (и только! Курсив наш. – С. К.) и определяет весь тон последующего повествова-

ния». Мысль о конфликте Игоря с природой поддерживается какое-то время и дальше: «После встречи с Всеволодом Игорь выступает в поход, несмотря на все зловещие предзнаменования. Солнце заступало ему путь тьмою. Ночь разбудила грозой птиц. Поднялся свист сусликов. Божество восточных народов – див – стремится криком с вершины дерева предупредить жителей своих стран о походе Игоря, в особенности Тмуторокани, куда направлялся Игорь: див кличет идолу тмутороканскому. Языческие божества как бы объединились против Руси. <...>».

Как видим, точка зрения близкая, но акценты расставлены иначе и связаны прежде всего с тем, что Д. С. Лихачев, как и все иные исследователи «Слова», продолжает считать произведение воинской повестию, а его основной темой – тему борьбы с врагами.

Акцентируя внимание на плаче Ярославны, который мы считаем кульминацией действия, Н. С. Демкова писала: «Плач Ярославны представляет собой как бы обратный ход во времени – это возвращение к главной теме «Слова» – к теме князя Игоря и его поражения, это новое воспоминание о бое, и одновременно это движение вперед, так как плач выступает как толчок для дальнейшего движения сюжета (sic! Курсив наш. – С. К.): сразу же после плача Ярославны в «Слове» следует описание бегства Игоря» [2, 56–57]. Но вывода исследовательница из этого никакого не делает, хотя, как нам представляется, он напрашивается сам собой.

Подхвативший мысли исследовательницы О. Ю. Алейников замечал, что «в единой сюжетной перспективе произведения сон Святослава соотнесен с так называемым «плачем» Ярославны. И «грозный киевский князь», и скорбящая княгиня воспринимают нарушения в природном и социальном устройстве как личную и общественную драму» (курсив наш. – С. К.). Подчеркнем – автор цитируемой нами статьи видит нарушения в природном устройстве и даже следует в своих мыслях дальше, закономерно полагая, что «три адресата мольбы Ярославны (Солнце, Ветер и Днепр) принадлежат различным стихиям, еще недавно противостоявшим русским дружинам. Обращаясь за помощью к силам, которым не внял во время похода князь Игорь, Ярославна как будто силой своих чувств вызволяет его из плена (курсив наш. – С. К.)».

Вот тут бы остановиться да обратить внимание на эти собственные слова. Да продолжить их...

Но исследователь начинает говорить об ином, утверждая, что «...в словах Ярославны обращают на себя внимание... общественные мотивы (курсив наш. – С. К.). Княгиня печется не только о своем муже, но и о его «воях». Обращаясь к ветру, она укоряет его за то, что он мчит стрелы на русских дружинников. Говоря с Днепром, она вспоминает о походах Святослава Киевского на половецкого хана Кобяка.

Наконец, адресуя свои слова Солнцу, Ярославна и его укоряет за то, что оно простерло горячие лучи на участников злополучного похода. Если это мольба, то мольба укоряющая и увещевающая. Если это исповедь, то исповедь публичная, созвучная чаяниям и настроениям многих людей» [1, 35–36]. На наш взгляд, вовсе не закономерные утверждения.

Во всех приведенных мнениях (а их круг можно значительно расширить) прочитывается странное желание авторов увидеть во всем обязательное общественное звучание, которое, по их мнению, может быть сопряжено только с патриотической идеей, будь то идея единения русских княжеств или идея защиты родной земли от внешних врагов.

Ближе всего к формулируемой нами мысли подошел Е. И. Осетров в давней (1986 года) статье «Восточнославянская Илиада». При чем возьмем на себя смелость утверждать, что дошел он до этого не литературоведческим, а писательским чутьем, поскольку уже в самом начале разговора о роли природы в «Слове» исследователь прибегает не к абстрактным понятиям, а к образам, сопоставляя, например, «помрачение солнца» с «помрачением разума» Игоря. Жаль только, что в затмении он видит лишь «пролог грядущей трагедии» (а не завязку конфликта), правда, с оговоркой о более значительной его роли в произведении, поскольку «оно выявляет со всей очевидностью своеволие Игоря»; «небесное явление соотносится с душевным состоянием главы похода, исход которого очевиден изначально всем, кроме Игоря, решившего стать выше уготованной судьбы, точнее, вступить в спор с силами, не подвластными земным обстоятельством». В статье особенно любопытна авторская трактовка образа и «способа действий» Ярославны, которые, по мысли Е. И. Осетрова, противостоят «поведению и характеру Игоря». «Ярославна – воплощение дуализма поэмы, ее материального и духовного миров, она – жена, ожидающая война из похода и одновременно олицетворение связи человека с силами сверхъестественными. Ее кроткие обращения обладают силой, которой лишился Игорь, попав в плен. Все меняется после ее языческого моления, ее просьба услышана, муж-князь благополучно бежит из плена, «страны ради, гради весели»...» [5, 20–21] В этой цитате особенно радует подчеркивание утраты связи Игоря с природой (правда, почему-то утверждается, что это произошло лишь после пленения князя), а также акцентация внимания читателя на способности Ярославны пользоваться своей гармоничной связью с миром. Остается только сожалеть, что автор не увидел связи этой линии повествования с сюжетной организацией литературного памятника.

IV.

Мы понимаем, что утверждения наши спорны и нуждаются в обсуждении. Причем очевидно, что возражения может вызвать следующее:

– *первое*: наша концепция разрушает (или, по крайней мере, пошатывает) кропотливо и логично выстроенную систему доказательств сюжетной структуры «Слова», освященную авторитетными мнениями крупнейших ученых-медиевистов, среди которых только в XX веке были Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц, А. Н. Робинсон, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов и многие другие;

– *второе*: нет оснований полагать, что предлагаемая идейная трактовка соответствует авторскому замыслу;

– *третье*: центральная часть «Слова» – сон Святослава, «злато слово» Святослава и призыв Автора к единению русских князей – оказывается выведенной за рамки основного повествования и, таким образом, разрушает цельность произведения, которую подчеркивает и на которой настаивает автор предлагаемой концепции;

– *четвертое*: эта точка зрения внеисторична, поскольку подходить к анализу поэтики «Слова» с таким же литературоведческим инструментарием, с каким мы подходим к анализу поэтики произведений нового времени, неверно;

– *пятое*: если все так, как утверждает автор статьи, то «Слово о полку Игореве» не могло быть написано в XII веке: сюжет произведения строится по традиции, которой не было и не могло быть в то время; следовательно, это все-таки литературная подделка, мистификация XVIII века;

– *шестое*: а вообще все то, о чем говорится как о конфликте и сюжете произведения, является ли конфликтом и сюжетом?

V.

Самое сложное, пожалуй, ответить на последнее, шестое, утверждение. Но начнем по порядку:

– *первое*: наша концепция не разрушает и не пошатывает доказательства предшественников, она дает им новое направление, объединяя и организуя их;

– *второе*: мы и не утверждаем, что Автор мыслил настолько глобально, насколько это возможно в XXI веке, с его проблемами и средствами информации и коммуникации, о чем, собственно, уже говорили. Но Автор «Слова» все-таки ставил (и это очевидно!) исход Игорева похода в зависимость от природных сил, что, как видим, было замечено, но не до конца осмыслено исследователями. Поэтому и есть основание полагать, что Автор художническим чутьем организовал материал таким образом, чтобы показать не только губительность похода Игоря для Руси, но и губительность небрежения силами природы для самого Игоря;

– *третье*: часть «Слова», связанная со Святославом Киевским, действительно выходит за рамки основного повествования, но цельности произведения не разрушает, поскольку является необходимым, по

замыслу Автора, *вставным эпизодом*, позволяющим ему высказаться по поводу разобщенности русских княжеств и призвать русских князей к единению;

– *четвертое и пятое*: эта точка зрения внеисторична только в той мере, в какой мы знакомы с литературой XII века. Однако не раз приходилось слышать мнения, что «Слово», видимо, единственная дошедшая до нашего времени часть того большого светского литературного пласта, который параллельно с литературой духовной существовал в это время, но в силу конкретных исторических обстоятельств был утрачен. «Слово» категорически не похоже на все то, что было создано в ту эпоху, и это закономерно вызывает мысли о более позднем его происхождении. Но и XVIII веку текст этот ни в художественном, ни в идейном смысле не свойственен также. Более того, если мы признаем его произведением XVIII века, исходя из сюжетной организации, построенной по законам поэтики нового времени, мы вынуждены будем упереться в идею (нравственно-экологическую!), которая для этого века уж точно была не характерна, более того – далека. Таким образом, «Слово» не может быть произведением более позднего времени, а его поэтিকা потому не укладывается в рамки традиционного произведения своего времени, что наши знания о древнерусской литературе ограничены той частью литературного наследия, которую нам донесло время и по которой мы и выводим закономерности развития литературы. Но «Слово о полку Игореве» само по себе закономерность и имеет такие корни, о которых приходится лишь догадываться, поэтому обнаружение в нем сюжеттики, близкой по традиции литературе нового времени, говорит не о более позднем его создании, а о наличии *другой традиции*, которую «Слово» собой и являет. Вот почему внеисторичным наш подход к произведению назвать нельзя;

– *шестое и последнее*: В. Е. Хализев, точка зрения которого наиболее близка автору статьи, считает сюжетом «обозначение цепи событий, воссозданной в литературном произведении, т. е. жизни персонажей в ее пространственно-временных измерениях» [6, 214]. Такое понимание восходит к «Поэтике сюжетов» А. Н. Веселовского и преобладает в современном отечественном литературоведении. «...сюжеты, – читаем далее, – обнаруживают и впрямую воссоздают жизненные противоречия. Без какого-то конфликта в жизни героев (длительного или кратковременного) трудно представить достаточно выраженный сюжет. Персонажи, вовлеченные в ход событий, как правило,.. испытывают... желание что-то обрести, чего-то добиться либо сохранить нечто важное, претерпевают поражения или одерживают победы. <...> Правильно выделить два рода (типа) сюжетных конфликтов: это, во-пер-

вых, противоречия локальные и преходящие, во-вторых – устойчивые конфликтные состояния (положения)» [6, 217]. Нас, естественно, интересует связь сюжета с устойчивыми конфликтами, поскольку именно они являются сюжетообразующими. Что для нас особенно важно, В. Е. Хализев говорит о том, что «сюжеты, в которых действие движется от завязки к развязке и выявляются конфликты преходящие, локальные, можно назвать *архетипическими* (поскольку они восходят к исторически ранней словесности); они доминируют в многовековом литературно-художественном опыте» (курсив В. Е. Хализева. – С. К.) [6, 219–220]. Таким образом, говорить об исключительной принадлежности сюжета с выраженными завязкой, кульминацией и развязкой исключительно произведениям нового времени, как видим, не приходится.

Выводы. Таким образом, как это было нами показано, весь художественный строй «Слова о полку Игореве» говорит о природной принадлежности идей космизма русскому (восточнославянскому) национальному сознанию. Эти идеи выражены во всем строе произведения, а его сюжет их подчеркивает. И даже если правы те, кто утверждает, что произведение – более поздняя гениальная подделка (с чем мы не согласны!), это все равно не отменяет нашего вывода.

Примечания

* Здесь и далее текст «Слова» дается в переводе Д.С. Лихачева.

** На самом деле конфликт этот сложнее и может более трактоваться как конфликт человека с Богом, переданный через столкновение человека с природой. Но поскольку это утверждение требует дополнительных разъяснений, а конфликт человека и природы лежит на поверхности, мы будем говорить именно о нем.

*** Основные из них: Наука в России XI–XVII веков (Ч. 1–3: очерки по истории до науч. и естественно-науч. воззрений на природу) / Ред. Т. Райнов. М.; Л.: АН СССР, 1940. Ч. 3. С. 113–115; Ржигя В.Ф. Из очерков по «Слову о полку Игореве» // Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1947. Вып. 3. С. 73–75; Шарлемань Н.В. 1) Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1948. Том VI. С. 111–124; 2) Природа в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 212–217; 3) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 53–67; 4) Заметки к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: АН СССР, 1955. Том XI. С. 7–12; Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и особенности рус-

ской средневековой литературы // Слово о полку Игореве – памятник XII века / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 314–316; Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Слово о полку Игореве – памятник XII века / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 376–379; Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» и южнославянский героический эпос // Славянские лит-ры: VII Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1973. С. 263–272; Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М.: Изд-во МГУ, 1983; Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien: [б. и.], 1984. С. 33–39; Миротворцев В.Н. Половецкие «тотемы» и «Слово о полку Игореве» // Русская речь. 1985. № 1. С. 107–113; Гетманец М.Ф. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1987. № 2. С. 194–198; Демин А.С. Изображение животных в «Слове о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. М.; СПб.: Изд-во РАН, 1993. Т. 48. С. 59–63; Робинсон А.Н. «Русская земля» в «Слове о полку Игореве» // Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.). Очерки литературно-исторической типологии. М.: Наука, 1980. Глава V. С. 219–241; Ужанков А.Н. 1) В свете затмения (Христианская основа «Слова о полку Игореве»). Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/slovo-christianosnov.htm> (дата обращения 03.10.2014), 2) Свет и тьма в «Слове о полку Игореве». Режим доступа: www.rusiskusstvo.ru/journal/4-2005/a878/ (дата обращения 08.11.2014).

Список использованных источников

1. Алейников О.Ю. Сюжетные перспективы в «Слове о полку Игореве» // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 28–38.
2. Демкова Н.С. Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники. СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. 219 с.
3. Лихачев Д.С. Содержание и композиция «Слова о полку Игореве». Объяснительный перевод «Слова». Режим доступа: <http://ruslibrary.ru/default.asp?trID=308> (дата обращения: 09.01.2015).
4. Митрохин Н. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. Режим доступа: <http://religion.gif.ru/cleric/clerik2.html> (дата обращения: 09.01.2015).
5. Осетров Е. Восточнославянская Илиада // Альманах библиофила. Вып. 21: «Слово о полку Игореве». 800 лет. М.: Книга, 1986. С. 7–26.
6. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 438 с.

«SLOVO O POLKU IGOREVE»
AND THE RUSSIAN COSMISM

Kuryanov Sergey Olegovich,

*Doctor of Philology, Head of Department of Russian and foreign literature
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: so_k@inbox.ru*

The article by literary analysis proved accessory ideas cosmism Russian (East Slavic) national consciousness. The author comes to the conclusion, based on the ideological component of the great Eastern Slavic literary monument «Slovo o polku Igoreve», because, as the author argues, the main idea of «Slovo...» is the idea of the unity of man and the world (nature, the cosmos, God).

Keywords: *cosmos, cosmism, «Slovo o polku Igoreve»? the idea, nature, old Russian literature.*

References

1. Aleynikov O.Yu. Syuzhnetnye perspektivy v «Slove o polku Igoreve» [Narrative perspective in «Slovo o polku Igoreve»] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Voronezh State University]. Series 1, Humanitarian sciences. 2000. No 2. Pp. 28–38.
2. Demkova N.S. Srednevekovaya russkaya literatura: poetika, interpretacii, istochniki [Medieval Russian literature: poetics, interpretation, sources]. St. Petersburg, The St. Petersburg State University Publ., 1997. 219 p.
3. Lihachev D.S. Soderzhanie i kompoziciya «Slova o polku Igoreve». Obyasnitelnyi perevod «Slova» [The composition and content of «Slovo o polku Igoreve». Explanatory translation of «Slovo»]. Available at: <http://ruslibrary.ru/default.asp?trID=308>, accessed 09.01.2015.
4. Mitrokhin N. Klerikalizaciya obrazovaniya v Rossii: k obshhestvennoy diskussii o vvedenii predmeta «Osnovy pravoslavnoy kultury» v programmu srednih shkol [The clericalization of education in Russia: towards a public debate on the introduction of the subject «Fundamentals of Orthodox culture» in the secondary school curriculum]. Available at: <http://religion.gif.ru/clerik/clerik2.html>, accessed 09.01.2015.
5. Osetrov Ye. Vostochnoslavjanskaya Iliada [The East Slavic Iliad] // Almanah bibliofila. Vol. 21: «Slovo o polku Igoreve». 800 let [«Slovo o polku Igoreve». 800 years]. Moscow, Kniga Publ., 1986. Pp. 7–26.
6. Halizev V.Ye. Teoriya literatury [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. 438 p.